

3

Ориентализм

Эдвард
Сайд

18+ |

Современная
критическая
мысль

Постколониальная
теория

GARAGE

Эдвард Саид

Ориентализм

Музей современного искусства Гараж

Москва
2021

УДК 325.81

ББК 66.2(0)

С14

*Проект реализован при поддержке эндаумент-фонда
Музея «Гараж».*

*Книга издана в рамках исследовательской лаборатории
Музея «Гараж» «Пространство 1520».*

Эдвард Сайд

Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. — М.: Музей
современного искусства Гараж, 2021.

Эта книга — новый перевод классического труда Эдварда Саида «Ориентализм». В центре внимания автора — генеалогия европейской мысли о «Востоке», функционирование данного умозрительного концепта и его связь с реальностью. Сайд внимательно исследует возможные истоки этого концепта через проблему канона. Но основной фокус его рассуждений сосредоточен на сложных отношениях трех структур — власти, академического знания и искусства, — отраженных в деятельности различных представителей политики, науки и литературы XIX века. Сайд доказывает, что интертекстуальное взаимодействие сформировало идею (платоновскую сущность) «Востока» — образ, который лишь укреплялся из поколения в поколение как противостоящий идее «нас» (европейцев). Это противостояние было связано с реализацией отношений доминирования — подчинения, желанием метрополий формулировать свои правила игры и говорить за колонизированные народы. Данные идеи нашли свой «выход» в реальности: в войнах,

колонизаторских завоеваниях, деятельности колониальных администраций, а впоследствии и в реализации крупных стратегических проектов, например, в строительстве Суэцкого канала. Автор обнаруживает их и в современном ему мире, например, в американской политике на Ближнем Востоке. Книга Саида дала повод для пересмотра подходов к истории, культуре, искусству стран Азии и Африки, ревизии существовавшего знания и инициировала новые формы академического анализа.

ISBN 978-5-6045382-8-9

Все права защищены

© Музей современного искусства «Гараж», 2021
© Эдвард Сайд, текст, 1979
© Катарина Лопаткина, перевод, 2021
© Константин Ерёменко, дизайн обложки, 2021

Книга, которую стоит прочитать

Благодарности

Введение

Глава 1. Масштаб ориентализма

I. Познавая Восток

II. Воображаемая география и ее презентации: ориентализация Востока

III. Проекты

IV. Кризис

Глава 2. Ориентализм структурирует и переструктурирует

I. Заново прочерченные границы, переопределенные проблемы, секуляризированная религия

II. Сильвестр де Саси и Эрнест Ренан: рациональная антропология и филологическая лаборатория

III. Пребывание на Востоке и наука: требования лексикографии и воображения

IV. Паломники и паломничества, англичане и французы

Глава 3. Ориентализм сегодня

I. Ориентализм скрытый и явный

II. Стиль, экспертиза, видение: всемирный ориентализм

III. Расцвет современного англо-французского
ориентализма

IV. Современный этап

Предисловие (2003)

Послесловие (1995)

Список литературы, использованной при написании
комментариев

Книга, которую стоит прочитать

2020 год пополнил словарь российских интернет-мемов замечательной цитатой «и половцы нас терзали, и печенеги», которая вызвала большой интерес у исследователей — прежде всего, с точки зрения референций: насколько сказанное (а прежде — написанное в школьных учебниках) связано с «объективной реальностью»?¹ Специалисты по истории на страницах различных изданий стали пояснять, что отношения с названными кочевыми группами были не такими однозначными и линейными, как это принято описывать². Но нас интересует другое — то, что эта цитата воспроизводит, и конкретнее — дискурс, к которому она относится: разделение на «нас» и «их» — представляемых, воображаемых «других». Я не случайно начинаю с этого небольшого эпизода. Существует расхожее мнение, что книга Эдварда Вади Саида не «о нас», а «о них» — англичанах, французах, американцах, арабах, мусульманах, христианах и вообще — о «цивилизациях»³. Это не совсем так (а точнее, совсем не так). Попытайтесь посчитать, сколько в этой книге арабских имен (можете даже расширить этот список за счет персидских и тюркских имен), и сравните с количеством имен европейских. Однако это лишь поверхностный взгляд. И вот здесь мы переходим к главному.

Эта книга — о мысли, о речи, о восприятии. Важнейшим элементом этой книги являются *idées reçues*, или «прописные истины». Это такие общепринятые представления, которые: а) широко распространены (ну все же мы слышали о «Востоке»?), б) считаются вполне себе очевидными (даже объяснять ничего не нужно), в) распространяются в форме анекдотов, рассказов и забавных историй из уст в уста (а вы когда-нибудь обсуждали увиденное в отпуске в Египте или Турции?). И это всегда нечто близкое к стереотипу или клише.

Главная цель этой книги — показать, что мы выстраиваем нашу мысль в границах этих заданных клише. Мы не живем в вакууме, мы существуем во множестве контекстов — и прежде всего в контексте социокультурном. Нас окружают тексты, и часто через них мы и воспринимаем окружающий нас мир. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина, «Хаджи-Мурат» М. Ю. Лермонтова, «Персидские мотивы» С. А. Есенина. «Половецкие пляски»! «Апофеоз войны» В. В. Верещагина!⁴ «Слово о полку Игореве»! Задумывались ли вы о контексте, в котором создавались или публиковались эти произведения? Об их содержании? Образах? Я, безусловно, не являюсь профессиональным литературоведом и вряд ли смогу претендовать на их лавры, чтобы дать развернутое описание формирования образа «Востока» в России (которое вряд ли будет противоречить ключевой линии мысли Саида⁵)... И моя цель отнюдь не в том, чтобы апеллировать к дискуссии об «особой исторической судьбе» нашей страны, право же, и этот конструкт уже был блестяще разобран специалистами по интеллектуальной истории⁶. Моя задача — убедить вас, что эта книга действительно стоит того, чтобы ее прочитать. И того, чтобы вместе с ней размышлять о себе, о них, об окружающем мире.

Главной целью Саида было сподвигнуть читателя задавать сложные вопросы самому себе. Попытаться осознать то, как сильно знание об Азии и Африке определено школьными учебниками, литературными и живописными произведениями, фильмами, а не неопосредованным взаимодействием с их обитателями, местным населением (и понять, возможно ли оно вообще). Вопросы множатся и множатся: насколько можно довериться своим чувствам, мысли и видению? Кому они принадлежат? Представляя себе «Восток» по произведениям других людей, принимается ли во внимание, что за люди их создавали и в каком контексте? Какое место занимают эти книги, картины, образы в «генеалогии» человеческой мысли? И к каким последствиям — уже материальным, реальным — приводят воспринятые и усвоенные образы? Эти вопросы задавал себе и Саид, и поколения после него. Поиск ответов на них и дискуссии, с ними связанные, сформировали тот современный мир — постколониальный, рефлексирующий и сложносочиненный, в котором мы живем сейчас.

В то же время эта книга, спустя сорок лет после ее написания, удивительно актуальна.

Давайте обратимся к событиям, связанным с российской культурой и формирующим наше информационное пространство в последнюю пару лет. На ум приходят скандалы вокруг сериала «Зулайха открывает глаза» и выбора Манижи Сангин как представительницы России на песенном конкурсе «Евровидение». В первом случае, казалось бы, речь может вестись о достаточно стандартной для общественных дискуссий теме сталинского наследия. Но для Республики Татарстан, одного из субъектов Российской Федерации, фокус критики отнюдь не направлен на сталинизм. Для жителей этого региона это произведение стало попыткой отобрать их «голос»,

возможность говорить о себе и представлять себя⁷. Ровно то, в чем Сайд обвиняет англичан и французов, которые выстраивают своего «виртуального мусульманина». Так же сериал создает «образ» татарской культуры и истории, весьма далекий, по мнению таких критиков, от собственной аутентичности татар. Второй скандал показывает, как в обществе функционируют концепты «себя» и «другого», как создается их противопоставление и как оно актуализируется⁸. Впрочем, мало внимания уделяется и тому, что сама представленная музыкальная композиция — это краткая выжимка из актуального гендерного дискурса, рисующего систему противоречий (слабая, но сильная; одинокая, но в сообществе), о которых пишет и Сайд, в его случае — применительно к образу араба (например: ленивый, но активный). Безусловно, эти истории не так просты, как кажется критикам. Более глубокий анализ способен выявить целую череду неучтенных элементов. Например, наследие «советского дискурса» в истории семьи Манижи⁹, большую историю женских сообществ Таджикистана¹⁰, феномен ностальгии и позицию «третьего поколения», с которой свое видение семейной памяти согласует писательница Г. Ш. Яхина¹¹. Эти элементы требуют большой аналитической работы, понимания контекстов, пересечений и разрывов, особенностей функционирования того, что называется «субъективностью».

Однако все эти элементы можно привести к одному знаменателю — пониманию генеалогии мысли. Мой следующий пример связан с одной такой концепцией, которая предельно противоречива. В октябре 2021 года российский глянцевый журнал “Elle” опубликовал серию фотосессий «Дружба народов», руководствуясь желанием показать красоту «малых народов», их жизни

и быта, дать «голос» местным фотографам, вернее, их видению локальной эстетики. Однако фотосессия вызвала большую критику, которую концептуально обосновала профессорка Диана Кудайбергенова сразу в нескольких измерениях — от самой противоречивости идеи «дружбы народов» до критики эстетики¹². Действительно, последние работы по истории, антропологии и социологии, написанные самой Кудайбергеновой и ее коллегами, показывают все трудности и перипетии того, как складывался Советский Казахстан. Впрочем, можно искать корни этих явлений еще глубже — в истории Российской империи и ее дискурсов, ее текстов и ее концепций¹³. Я ограничусь лишь краткими мыслями об этом, весьма грубо обобщая работы коллег.

Создание Советского Казахстана стало последствием дискуссий относительно умозрительного деления народов на «отсталые» и «цивилизованные», попыток понять, что такое «кочевое сообщество» и как им управлять¹⁴. Результатом этой ригидной системы мысли стала реализация «цивилизаторской миссии», попытки модернизировать казахское хозяйство и быт, это принесло немало горя местным жителям¹⁵. Культурная политика того периода, которая была призвана создать новое, советское общество, проводилась под лозунгом «дружбы народов», придавая этому термину в глазах местных жителей двусмысленность и негативную коннотацию, навязывая способ видеть мир, методологию организации общественных и культурных институтов («национальных по форме, социалистических по содержанию»). Безусловно, всё далеко не так однозначно, и «тихий национализм академических практик» вкупе с механизмами передачи памяти внутри сообщества формировали критические интенции

(правда, в ограниченном масштабе)¹⁶. Для молодого поколения казахских исследователей представление их этноса как экзотического, да еще с отсылкой на концепцию «дружбы народов» — оправдания подчинения способу мышления из «центра», — представляется попыткой вновь «отобрать их голос». Для них это как минимум повод вспомнить Саида и начать разговор о «неоколониализме». В России же эти понятия не отрефлексированы, не осознаны, а потому возмущение соседей вызывает удивление и непонимание. Ведь та же упомянутая фотосессия создавалась из намерения «дать голос», а не «присвоить» его. Непонимание истории понятий, генеалогии мысли (что такое «дружба народов» в исторической перспективе) приводит к противоречию между интенцией создателей проекта и восприятием публики. И именно в этом может помочь работа Саида — обозначить исходную точку для анализа подобных феноменов. Но научиться не совершать подобных ошибок и с уважением относиться к памяти, как народов внутри России, так и ее соседей, — это уже гораздо более трудная задача.

И еще: позволю себе процитировать предисловие к французскому изданию «Ориентализма», написанное философом Цветаном Тодоровым.

Наша судьба неотделима от судьбы других и, как следствие, от взгляда, которым мы смотрим на них, и места, которое мы им предназначаем. Эти «внешние» Другие находятся рядом с нами, среди нас, и называются «трудовые мигранты», или далеко за пределами наших границ, и называются «нефтяные державы». Когда мы голосуем через посредников-депутатов за расистский закон против этих рабочих, когда мы кричим о скандале из-за роста цен на бензин, мы, сознательно или нет, заимствуем шаги большого

ориенталистского дискурса и быстро находим аргументы. Единственная разница — но не именно ли она провоцирует скандал? — заключается в том, что «ориенталы» более не принимают тот образ, который мы им предлагаем, и не хотят честно играть в ту игру, в которой мы одновременно являемся партнерами и авторами правил¹⁷.

Надеюсь, теперь у вас не осталось сомнений, что «Ориентализм» действительно актуален?

Впрочем, возраст книги и ее посыл вызывают критическую реакцию. В целом ее можно свести к нескольким пунктам. Во-первых, Саид был литературным критиком, а не профессиональным исламоведом или арабистом. Потому рассмотрение частных случаев, на которых он иллюстрирует свою мысль, вызывает суровую критику специалистов — как историков, так и литературоведов. Я попытался раскрыть некоторые элементы этой критики в сносках, но, пожалуй, подробный разбор «кейсов» представлен в книгах и статьях Роберта Ирвина¹⁸. К этому же разделу отнесу вопрос «всеххватности» подхода «Ориентализма». С момента его публикации было написано колоссальное количество трудов, анализировавших отдельные сообщества, подходы, произведения и академические труды. Появились исследования по роли «колониальных посредников» (переводчиков, проводников, учителей), их влиянию на процесс формирования знания и роли «привратников» у ворот локального знания¹⁹. Появилось и колоссальное количество работ о критике европейской мысли до Саида²⁰. Все эти работы детализируют сложную картину мира, в которой «ориентализм» как дискурс, влияющий на реальность, — лишь часть, но немаловажная часть, системы. Когда мы читаем аналитику периода «шпиономании», в которой мы

видим способ рассказа о «Других», чьи роли заранее предопределены их происхождением²¹; когда мы обращаемся к травелогам и публицистике, в которых один частный случай становится абсолютизированным отражением целого сообщества²²; когда мы сталкиваемся с обобщающим понятием «Восток» как объяснением сложных социально-экономических процессов, — мы, так или иначе, сталкиваемся с тем, о чем писал Саид. И пусть его кейсы не всегда точны, но сама идея дискурса является определяющей.

Во-вторых, это вопрос методологии. Его можно разделить на два аспекта, и оба они будут верны в своей критике. Первый — нарушение формальной логики. Это действительно упрек, который характеризует способ разворачивания мысли Саида, включающий, например, отождествление суждения с аргументом²³. Но важно отметить, что сама работа не является полноценным академическим трудом, что отмечал и сам автор. Это, скорее, «манифест убеждений», который является составной частью картины общей мысли Саида, разворачиваемой не только в «Ориентализме»²⁴. И исходя из этого утверждения мы можем обосновать отсутствие строгой академической выверенности именно стилем этого «полемического произведения», как его верно характеризовала Мария Тодорова²⁵. Второй упрек касается «филологического метода», который лежит в основе рассуждений Саида. «Востоковедение» как наука рассматривается рядом специалистов как производная от «филологии» — дисциплины, оказавшей значительное влияние на становление гуманитарных наук²⁶. Саид как филолог и литературовед наследует аппарату рассуждений, чьи базовые ценности закладывались в той же области человеческой мысли, что и идеи «ориентализма». Иными словами, он

критикует «филологический метод» изнутри. Всё это приводит к здравой оценке «Ориентализма» и попытке рассмотреть изучаемый феномен репрезентации «Востока» методами других областей знания, выйдя за пределы филологии, — например, на базе философии²⁷. Однако ценность наблюдений Саида, сформулировавшего идею «Востока как дискурса», значительна. Немаловажно отметить и гибкость его мысли, позволившую задать стартовые позиции для последующих исследований. Отношение власти и знания, различных форм знания между собой, дискуссия о разных показателях идентичности, чтении, этике и гуманизме — это всё можно найти в его работе.

В-третьих, многие критики абсолютно верно утверждают, что Саид не дает ответы на поставленные им самим вопросы. Он и не стремится к этому. Призыв «Ориентализма», ставшего феноменом, масштаб которого гораздо более значим, чем масштаб личности его автора, — начать рефлексию. Безусловно, на этом пути возможны различные опасности. Например, радикальная эссенциализация инаковости (стремление «замкнуться» в границах собственной идентичности и ее репрезентациях; вульгарный национализм) — одно из самых крупных препятствий, которые могут возникнуть в рассуждениях читателя. Но не нужно бояться мыслить. «Ориентализм» не просто можно критиковать — его нужно критиковать. Именно так эта книга стала краеугольным камнем для развития целой области знания, анализа таких сложных идей, как «интертекстуальность» и «деконструкция», привела к появлению колоссального количества интеллектуалов: писателей, художников и академиков.

«Ориентализм» стал составляющей частью современного мира. В свое время меня поразили два стеллажа в Университете Кента, посвященные истории

Азии. Оба стеллажа были заставлены разными переизданиями «Ориентализма» — книги, масштаб которой стал значительно большим, чем масштаб личности ее создателя. Книги, которая используется в этом университете (как и во множестве других), чтобы развить критическое восприятие студентов, с самой юности заставляя их задуматься о значении связи власти и знания и о влиянии этой связи на формирование современного мира. Не случайно именно представитель этого британского университета, Абдулразак Гурна, был удостоен Нобелевской премии по литературе 2021 «за его бескомпромиссное и полное сострадание осмысления последствий колониализма на Африканском континенте и его влияния на судьбу беженцев на их пути между культурами и континентами». И, как мне думается, «Ориентализм» сыграл не последнюю роль в его идейном становлении.

*Антон Ихсанов
Москва, 2021*

Благодарности

Я занимался темой ориентализма на протяжении нескольких лет, но большая часть этой книги была написана в 1975–1976 годах, в мою бытность стипендиатом стэнфордского Центра передовых исследований в области поведенческих наук в Калифорнии²⁸. В этой уникальной и щедрой институции мне посчастливилось не только с удовольствием общаться с несколькими коллегами, но и получить помошь от Джоан Вармбрунн²⁹, Криса Хота, Джейн Кильсмайер³⁰, Престона Катлера³¹ и директора Центра Гарднера Линдзи³². Перечень друзей, коллег и студентов, которые прочли или прослушали текст всей этой рукописи или ее части, настолько велик, что смущает меня, а теперь, когда она, наконец, стала книгой, возможно, смущает даже и их. Тем не менее я должен с благодарностью отметить неизменно полезную поддержку Джаннет и Ибрагима Абу-Луходов³³, Ноама Хомского³⁴ и Роджера Оуэна³⁵, которые следили за этим проектом от начала и до завершения. Кроме того, я должен с благодарностью отметить полезный и критический интерес коллег, друзей и студентов из разных мест, чьи вопросы и дискуссии позволили отточить текст. Андре Шиффрин и Жанн Мортон из Pantheon Books были идеальными издателем и редактором и превратили тяжкое испытание подготовки рукописи (по крайней мере для автора) в поучительный и по-настоящему интеллектуальный процесс. Мариам Сайд³⁶ очень

помогла мне своими исследованиями по истории ориенталистских институций раннего Нового времени. Кроме того, ее любовь и поддержка сделали большую часть работы над этой книгой не только приятной, но и возможной.

Нью-Йорк, сентябрь - октябрь 1977. Э. В. С.

Они не могут представлять себя, их должны представлять другие.

Карл Маркс «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»

Восток (East³⁷) — это профессия.

Бенджамин Дизраэли «Танкред»

Введение

I

Один французский журналист во время своей поездки в Бейрут в ходе ужасной гражданской войны 1975–1976 годов³⁸ с сожалением писал об опустошенном центре города, который «когда-то, казалось, принадлежал... Востоку (*Orient*) Шатобриана³⁹ и Нерваля^{40»41}. Он, конечно, был прав насчет этого места, и особенно прав как европеец. Восток был почти полностью европейским изобретением и с древности представлял прибежищем романтики, экзотических существ, навязчивых воспоминаний и пейзажей, удивительных впечатлений. Теперь он исчезал. В каком-то смысле — уже исчез, его время ушло. Возможно, несущественным казалось то, что у самих жителей Востока в этом процессе тоже были свои интересы, ведь они жили там и во времена Шатобриана и Нерваля, а теперь страдают именно они. Главной для европейца была европейская репрезентация Востока и его современная судьба — и то и другое имело для журналиста и его французских читателей неочевидный, но объединяющий автора и его аудиторию смысл.

У американцев Восток не вызывает тех же чувств, он для них, скорее, — и совсем иначе — будет ассоциироваться с Дальним Востоком⁴² (главным образом с Китаем и Японией). В отличие от американцев у французов и англичан — и в меньшей степени у немцев, русских, испанцев, португальцев, итальянцев и

швейцарцев — существовала давняя традиция того, что я буду именовать *ориентализмом*, — характера взаимодействия с Востоком, основанного на особом месте Востока в европейском западном опыте. Восток не только соседствует с Европой: это место, где расположены величайшие, богатейшие и старейшие европейские колонии, это источник ее цивилизаций и языков, ее культурный соперник и один из ее самых отчетливых и постоянных образов Другого⁴³. Кроме того, Восток помог Европе (или Западу) — на контрасте — определить собственный образ, идею, личность, опыт. Но ничто в этом Востоке не является лишь и только воображенным. Восток — неотъемлемая часть европейской *материальной*⁴⁴ цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и представляет эту часть культурно и даже идеологически как вид дискурса⁴⁵ с поддерживающими его институтами, лексикой, ученостью, образами, доктринаами, даже колониальной бюрократией и колониальными стилями. Напротив, американское понимание Востока окажется не столь недалеким, хотя наши недавние японские, корейские и индокитайские авантюры⁴⁶ теперь должны были бы дать более трезвое, более реалистичное понимание «Востока». Более того, значительно выросшая политическая и экономическая роль Америки в Ближневосточном регионе (Средний Восток⁴⁷) предъявляет большие требования к нашему пониманию этого Востока.

Читателю станет ясно (и будет становиться всё яснее на многочисленных последующих страницах), что под ориентализмом я подразумеваю несколько вещей, и все они, по моему мнению, взаимозависимы. Наиболее общепринятое обозначение ориентализма — академическое, и действительно, этот ярлык до сих пор используется в ряде академических учреждений.

Любой, кто преподает или пишет о Востоке или исследует его — а это относится и к антропологу, и к социологу, историку или филологу, — в частном или общем плане является ориенталистом, и то, что он или она делает, является ориентализмом. В действительности термин «ориентализм» (*Orientalism*) специалисты сегодня предпочитают в меньшей степени, чем «востоковедение» (*Oriental studies*) или «регионоведение» (*Area studies*)⁴⁸, как из-за его чрезвычайной обобщенности и неопределенности, так и потому, что он вызывает ассоциацию с высокомерным европейским административным колониалистским подходом XIX — начала XX столетия. Тем не менее о «Востоке» пишут книги и по нему проводят конгрессы, с ориенталистами в их новых или старых обличьях в качестве главных представителей. Дело в том, что даже если ориентализм не так распространен, как это было когда-то, он продолжит жить в академической среде благодаря доктринам и диссертациям о Востоке и восточном.

С этой академической традицией, чьи судьбы, трансмиграции, специализации и связи отчасти являются предметом нашего исследования, связан ориентализм в более широком понимании. Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии между «Востоком» (*the Orient*) и (в большинстве случаев) «Западом» (*the Occident*). Так масса авторов — поэтов, романистов, философов, политических теоретиков, экономистов и имперских администраторов — приняли основное различие между Востоком и Западом как отправную точку для создания теорий, эпических поэм, романов, описаний социумов и политических сочинений о Востоке, его народе, обычаях, «мышлении», судьбе и т. д. Этот ориентализм, скажем, включает Эсхила и

Виктора Гюго⁴⁹, Данте⁵⁰ и Карла Маркса⁵¹. Несколько позже в тексте введения я рассмотрю методологические проблемы, с которыми приходится сталкиваться в столь широко трактуемой области, как эта.

Обмен между академическими и более или менее художественными представлениями об ориентализме является постоянным, и с конца XVIII века это движение становится значительным, вполне организованным и возможно даже регулируемым. Здесь я подхожу к третьему смыслу ориентализма, который представляет собой нечто более исторически и материально определенное, чем два предшествующих. Приблизительно с конца XVIII столетия ориентализм можно рассматривать и анализировать в качестве корпоративного института для взаимодействия с Востоком, где взаимодействовать — значит делать заявления о нем, санкционировать взгляды на него, описывать его, обучать его, регулировать его, управлять им. Иначе говоря, ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и власти над Востоком. Я счел полезным здесь использовать понятие «дискурс» Мишеля Фуко, как он его дает в работах «Археология знания» и «Надзирать и наказывать», чтобы определить ориентализм. Я считаю, что без изучения ориентализма как дискурса невозможно понять ту исключительную систематическую дисциплину, с помощью которой европейская культура была способна управлять Востоком — и даже создавать его, политически, социологически, милитаристски, идеологически, научно и творчески в эпоху, последовавшую за Просвещением. Более того, так авторитетны были позиции ориентализма, что, как мне кажется, ни один пишущий, думающий или действующий на Востоке не был

способен это делать, не принимая во внимание ограничения, налагаемые ориентализмом на мысли и действия. Если коротко, то из-за ориентализма Восток не был (и не является) свободным предметом мысли или действия. Это не означает, что ориентализм единолично определяет всё, что может быть сказано о Востоке⁵², а скорее значит, что существует целая сеть интересов, неизбежно затрагиваемых (и, следовательно, постоянно вовлеченных) в каждом случае, когда речь заходит о такой своеобразной сущности, как «Восток». То, как это происходит, — вот что я пытаюсь продемонстрировать в этой книге. Также я пытаюсь показать, что европейская культура обрела собственную силу и идентичность, противопоставляя себя Востоку в качестве своего рода суррогатного и даже нелегального «я».

Существует как количественная, так и качественная разница — историческая и культурная — между франко-британским участием в делах Востока и, вплоть до времени американского доминирования после Второй мировой войны, вовлеченностью всех других европейских и атлантических держав. Поэтому говорить об ориентализме — значит говорить главным образом, хотя и не исключительно, о британском и французском культурном предприятии, проекте, простирающемся на такие разные области, как воображение, вся Индия и Левант⁵³, библейские тексты и библейские земли, торговля пряностями, колониальные армии и долгая традиция колониальных администраций, огромный научный корпус, бесчисленные восточные «эксперты» и «знатоки», восточная профессура, нагромождение «восточных» идей (восточный деспотизм, восточная роскошь, жестокость, чувственность), множество восточных сект, философия и мудрость, одомашненные для внутриевропейского использования, — этот список

можно продолжать бесконечно. Моя мысль состоит в том, что ориентализм проистекает из особой близости, которую довелось испытать Англии и Франции с Востоком, который до начала XIX века в действительности сводился к Индии и библейским землям. С начала XIX века и до конца Второй мировой войны Франция и Англия властвовали над Востоком и над «ориентальным»; после Второй мировой войны на Востоке доминировала Америка, и относилась она к нему так же, как когда-то Франция и Англия. Из этой близости, динамика которой чрезвычайно продуктивна, даже если она неизменно демонстрирует превосходство силы Запада (Англии, Франции или Америки), рождается большое количество текстов, которые я называю ориенталистскими.

Следует сразу сказать, что даже при том огромном количестве книг и авторов, к которым я обращаюсь, есть гораздо большее число, которое я просто вынужден был оставить в стороне. Моя аргументация, как бы там ни было, не опирается ни на исчерпывающий перечень текстов, имеющих отношение к Востоку, ни на четко очерченный круг текстов, авторов и идей, которые вместе составляют ориенталистский канон. Вместо этого я полагался на другую методологическую альтернативу, ее основой в некотором смысле служит набор исторических обобщений, которые я до сих пор допускал в этом введении, и именно их я хотел бы обсудить.

II

Я начал с предположения, что Восток не является простым природным фактом. Он не просто существует, так же как не просто существует и Запад. Мы должны всерьез принять замечательное наблюдение Вико⁵⁴ о том, что люди сами творят свою историю, и что то, что

они могут знать, — это то, что они сделали, и распространили географически. Как географические, так и культурные сущности — не говоря уже о сущности исторической — таких мест, регионов, географических областей, как «Восток» (*Orient*) и «Запад» (*Occident*), созданы человеком. Поэтому, как и сам Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию осмыслиения, образный ряд и лексикон, которые придали ей реальность и существование на Западе и для Запада. Так две этих географических сущности поддерживают и в определенной степени отражают друг друга.

Установив это, следует далее сделать ряд оговорок. Во-первых, было бы неверно заключить, что Восток был, *по сути (essentially)*, идеей или творением, не имеющим под собой никакой реальности. Когда Дизраэли⁵⁵ сказал в своем романе «Танкред», что «Восток — это карьера», он имел в виду, что интерес к Востоку — это то, в чем талантливая западная молодежь может найти свою всепоглощающую страсть; его слова не следует интерпретировать в том ключе, что Восток для людей Запада — лишь карьера. Существовали — и существуют — культуры и народы, расположенные на Востоке, и их жизнь, история и обычай наделены грубой реальностью, очевидно, большей, чем всё, что могло бы быть сказано о них на Западе. Об этом факте наше исследование ориентализма может сказать очень мало, разве что молча его признать. Но феномен ориентализма в том виде, как я его рассматриваю здесь, имеет дело главным образом не с перекличками между ориентализмом и Востоком, а с внутренней согласованностью ориентализма и его представлений о Востоке (Восток как карьера), вопреки и помимо всякого соответствия — или его отсутствия — «реальному» Востоку. Я хочу сказать, что высказывание Дизраэли о Востоке относится главным образом к этой сотворенной

согласованности, к этому устоявшемуся порядку идей, превосходящему всё остальное, относящееся к Востоку, а не просто к его существованию, по выражению Уоллеса Стивенса⁵⁶.

Вторая оговорка состоит в том, что идеи, культуры и истории не могут быть серьезно поняты или изучены без анализа их движущей силы или, точнее, их конфигураций власти. Верить, что Восток был создан — или, как я это называю, «ориентализирован» (*orientalized*), и верить, что такие вещи происходят просто по прихоти воображения, — значит быть неискренним. Отношения между Западом и Востоком — это отношения власти, господства, различной степени сложной гегемонии, и они довольно точно обозначены в названии классического труда К. М. Паниккара⁵⁷ «Азия и господство Запада»⁵⁸. Восток был ориентализирован не только потому, что он был сочен «восточным» во всех банальных для среднестатистического европейца XIX века смыслах, но также и потому, что он, *возможно*, был принужден стать или *был сделан* восточным. Например, трудно согласиться, что факт встречи Флобера⁵⁹ с египетской куртизанкой привел к созданию широко распространившегося образа восточной женщины; она никогда не говорила о себе, она никогда не показывала своих эмоций, присутствия или истории. Он говорил за нее и представлял ее. Он был иностранцем, достаточно состоятельным, мужчиной, и это были исторические факты доминирования, которые позволили ему не только обладать Кучук Ханем⁶⁰ физически, но и говорить за нее и разъяснять своим читателям, в каком смысле она была «тиปично восточной». Мой аргумент — в том, что ситуация силы Флобера по отношению к Кучук Ханем не была случаем единичным. Она точно описывает модель соотношения

сил между Востоком и Западом и дискурс Востока, порожденный ею.

Это подводит нас к третьей оговорке. Не следует предполагать, что ориентализм состоит из лжи или мифов, которые бы, если бы была рассказана правда, просто развеялись. Я считаю, что ориентализм куда более ценен как знак европейско-атлантической власти над Востоком, чем как достоверный дискурс Востока (то, на что он претендует в своей академической или научной форме). Тем не менее нам следует уважать и пытаться понять ясную и неразрывную силу ориенталистского дискурса, его тесные связи с питающими его социально-экономическими и политическими институтами и его вызывающую трепет живучесть. В конце концов любая система идей, которая смогла остаться неизменной и преподносимой как мудрость (в академиях, книгах, на конгрессах, в университетах и дипломатических кругах) со временем Эрнеста Ренана⁶¹ в конце 1840-х годов и до настоящего времени в Соединенных Штатах, должна быть чем-то большим, чем простое нагромождение лжи. Поэтому ориентализм — это не пустая европейская фантазия о Востоке, а сотворенная совокупность теории и практики, в которую на протяжении многих поколений делались значительные материальные вложения (*material investment*). Постоянные инвестиции сделали ориентализм, в качестве системы знаний о Востоке, общепринятой системой фильтрации Востока для западного сознания, в то время как те же инвестиции умножили — в действительности сделав по-настоящему эффективным — проникновение положений ориентализма в культуру в целом.

Грамши⁶² делает полезное аналитическое различие между гражданским и политическим обществом, первое из которых состоит из добровольных

(или, по крайней мере, рациональных и ненасильственных) объединений, таких как школы, семьи и профсоюзы, а второе — из государственных институтов (армия, полиция, централизованная бюрократия), чья роль заключается в прямом доминировании. Культура, конечно, действует в пределах гражданского общества, где влияние идей, институтов и других людей реализуется не через господство, а через то, что Грамши называет согласием (*consent*). В любом обществе, не являющемся тоталитарным, таким образом, одни культурные формы преобладают над другими, так же, как и некоторые идеи имеют больший вес, чем другие; формой такого культурного лидерства является то, что Грамши определил как *гегемонию* (*hegemony*), концепцию, необходимую для понимания культурной жизни индустриального Запада. Именно гегемония, или, скорее, результат культурной гегемонии в действии, придает ориентализму устойчивость и силу, о которых я говорил до сих пор. Ориентализм недалеко ушел от того, что Деннис Хэй⁶³ назвал «идеей Европы»⁶⁴, коллективным понятием, противопоставляющим «нас», европейцев, всем «им», неевропейцам, и в действительности можно утверждать, что ключевой элемент европейской культуры — это то, что обеспечило гегемонию этой культуры как в Европе, так и за ее пределами: идея европейской идентичности как превосходной по отношению ко всем неевропейским народам и культурам. Кроме того, существует гегемония европейских идей о Востоке, которые сами по себе подтверждают европейское превосходство над восточной отсталостью⁶⁵, обычно отметая возможность того, что более независимый или более скептический мыслитель мог бы иметь другой взгляд на этот вопрос.

С завидным постоянством стратегия ориентализма опирается на это гибкое *позиционное* превосходство, которое предоставляет человеку Запада целый ряд возможностей в отношениях с Востоком, при этом Запад никогда не теряет своего относительного первенства. Да и почему должно было быть иначе, особенно в период исключительного европейского господства со времен позднего Возрождения и до наших дней? Ученый, исследователь, миссионер, торговец или солдат был на Востоке или думал о Востоке, потому что *он мог быть там* или мог думать о нем, почти не встречая сопротивления со стороны самого Востока. В конце XVIII века в общем русле знаний о Востоке и под прикрытием западной гегемонии на Востоке возник многосоставный и сложно объяснимый Восток, пригодный для изучения в академии, для экспонирования в музее, для воспроизведения в колониальной администрации, для теоретической иллюстрации к тезисам из области антропологии, биологии, лингвистики, изучения народов и истории человечества и Вселенной, для примеров к экономическим и социологическим теориям развития, революции, культурной личности, национального или религиозного характера. Кроме того, творческое осмысление «восточного» основывалось более или менее исключительно на суверенном западном сознании, из неоспоримой центральной роли которого возник мир Востока, сначала в соответствии с общими представлениями о том, кто или что является восточным, а затем согласно детально проработанной логической модели, питаемой не просто эмпирической реальностью, но и энергией желания, подавления, инвестиций и проекций. И если мы можем назвать великие, подлинно научные ориенталистские труды, такие как «Арабская хрестоматия» Сильвестра де Саси⁶⁶ или «Нравы и